

АНДРЕЙ КОКОТЮХА

ЧУЖКИЕ СКЕЛЕТЫ

ИЗДАНИЕ
СЕМЕНОВО
ЛОСКИН

Андрей Кокотюха

Чужие скелеты

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2015

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

Кокотюха А. А.

Чужие скелеты / А. А. Кокотюха — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

ISBN 978-617-12-0579-6

Переезд в родной Жашков должен был стать для успешного хирурга Антона Сахновского началом новой жизни. Здесь он мог прийти в себя после шумного Киева и наконец-то открыть частную практику. Если бы... не труп в доме, который получил по наследству Антон. Жуткая находка втягивает Сахновского в водоворот опасных событий. Чужие тайны, криминальный авторитет Крамарь, то, что творилось за стенами закрытой организации... К такому не готовят в медицинском вузе. Но настоящий хирург выберется из любой передраги...

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

ISBN 978-617-12-0579-6

© Кокотюха А. А., 2015
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2015

Содержание

Год назад. Лето	7
Часть первая	10
1	10
2	11
3	13
4	14
5	18
6	21
7	24
8	26
9	29
10	32
11	34
Часть вторая	36
1	36
2	38
3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Кокотюха

Чужие скелеты

© Кокотюха А., 2015

© DepositPhotos.com / zacariasdamata, обложка, 2016

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2016

* * *

Родительская любовь порой становится причиной излишеств в воспитании. Если любить не умеют, любовь перерастает в нарциссическое властолюбие. Умение любить – нечто большее, чем чувство любви. Оно колеблется между счастьем и страхом. И главное в умении любить – способность вовремя отпустить, предоставить тому, кого считаешь своим ребенком, свободу.

Хеннинг Келер. Загадка страха

Год назад. Лето

Выйти на свободу – не значит освободиться.

Учитель вкладывал эту истину в головы младших методично, неторопливо и неутомимо. И девушка убедилась – он прав. А кроме того, поняла еще кое-что: правда всегда одна, но утверждается она разными способами.

Когда она отыскивала старшего брата и пришла к нему вместе с еще одной его младшей сестрой, то вскоре поняла – за пределами очерченной им Территории Свободы она и в самом деле никогда не чувствовала себя свободной. Там от нее постоянно чего-то требовали. Вот хотя бы Родя, Родион... Тоже хотел быть ей другом и наставником. Вечно учил жить, зануда несчастный... Родителям он нравился, и девушка понимала почему: Родя был таким же, как они. И как у него язык не распухал без конца поучать, советовать, в общем – воспитывать... Правда, тогда она еще не знала, что где-то совсем рядом живет старший брат, для которого любые ограничения – тяжкий грех.

Только познакомившись с ним ближе, девушка поняла: в самом деле, ограничений не существует, свобода – высшая ценность. Потом это перестало ей нравиться, и очень скоро. Тогда Учитель пояснил: оказывается, у нее есть *полное право* на ограничение собственной свободы.

По-настоящему свободный человек чувствует себя свободным даже в темном сыром подвале.

С мокрицами.

Вот она, жестокая правда. Только сейчас девушка поняла, что никогда не чувствовала себя свободной. Ни дома, ни там, куда она сбегала от домашней духоты. Ни рядом с Родионом, который упрямо отыскивал ее и возвращал домой. Ни здесь, на Территории Свободы, рядом со старшим братом и другими новыми родственниками. И в особенности в том подвале, где она прошла обряд «очищения».

«Значит, – решила девушка, когда ей наконец-то позволили покинуть подвал, – свободы не существует». Свобода – это миф, сказка, призрачный оазис в раскаленной пустыне, к которому напрасно стремится изможденный путник. В общем, примерно так и говорил Учитель...

Тем не менее однажды утром девушка решила встать и уйти. Покинуть Территорию Свободы, где этой самой свободы не было, вернуться в большой мир. Там тоже, как утверждал Учитель и как еще недавно верила она сама, люди живут в добровольных кандалах. Но в том мире есть мама, отец, в конце концов – тот же Родя... Вот уж никогда бы не подумала, даже в самые худшие времена, что будет до умопомрачения тосковать по нему!

До самого настоящего безумия.

До смерти.

Выбираясь из своего угла, девушка старалась двигаться совершенно бесшумно. Голова кружилась, перед глазами плясали радужные мушки, и ей пришлось собрать все силы, чтобы добраться до выхода, никого не потревожив. К тому же она не знала, кто из ее новых и уже успевших опостылеть земных родственников, братьев и сестер, по-настоящему спит, а кто от усталости и страха впал в полузабытье и вот-вот очнется.

И, опасаясь за себя, позовет старшего брата.

Потому что, если промолчит, – окажется в сыром подвале с мокрицами. Но даже самые отчаянные искатели внутренней свободы не очень-то стремились оказаться в промозглом каменном мешке высотой в полтора метра, где нельзя стоять в полный рост – только лежать на холодном кирпичном полу. Одна из младших сестер рассказывала: раньше глубина этого подвала достигала двух метров. Но вскоре после того, как Учитель здесь обосно-

вался, подвал переоборудовали. Откуда-то привезли цемент, песок, машину кирпича и всего за несколько дней забетонировали земляной пол, а затем выложили кирпичом, подняв его почти на полметра. С тех пор там стало невозможно даже выпрямиться.

Однако тем, кто оказывался в подвале, это было почти безразлично. Большинству из них вообще ничего не хотелось – они безропотно спускались туда, даже не пытаясь сопротивляться. Лишь некоторым – недостаточно умным, как разъяснил старший брат, – приходилось связывать руки. Потом все остальные собирались в кружок у распахнутого подвального люка и хором просили у связанного прощения. Тот обязан был простить, иначе выбраться из подвала становилось все сложнее.

Девушка тоже прощала.

Даже теперь, ползком пробираясь к выходу, она ни на кого не держала зла, даже на старшего брата. Разве что на себя...

Уже у самой двери она скорее инстинктивно почувствовала, чем заметила, подозрительное движение. И невольно вскрикнула – совсем негромко. Но вместо того, чтобы вскочить на ноги и во весь дух броситься прочь отсюда – туда, в большой мир, пусть даже душный и несвободный, каким он казался ей месяц назад, – она застыла на месте, буквально приросла к невообразимо грязному дощатому полу.

Грязному – потому что все здесь грязное и замызганное. Учитель говорит: «Каждый имеет право не убирать там, где живет. Это противоречит природе. Кто и когда видел прибранную медвежью берлогу, евроремонт в волчьей норе или стерильно чистую собачью конуру? Медведи, волки и собаки сильны и без этого, сильнее человека, потому что он их боится...»

Вот что она знала твердо: все, кто оказался на Территории Свободы, боялись старшего брата.

Скорее всего, так же, как и девушка, про себя они называли его зверем. Только для одних этот зверь был мудрым и прекрасным, а для других – жутким, хищным, неукротимо свирепым. Из тех, от чьего логова надо держаться как можно дальше.

Движение повторилось.

Девушка испуганно повернулась туда, откуда послышался шорох, и ее глаза встретились с затуманенным взглядом Льва, одного из младших братьев. Она не знала, сколько ему лет и как его зовут на самом деле. Здесь, на Территории Свободы, всякий имел право зваться так, как велит душа. Этот называл себя Львом. Что касается возраста, то для тех, кто обитал на Территории Свободы, он вообще не имел значения. У всех был один-единственный старший брат, и он был старше любого из них. Все прочие считались младшими братьями и сестрами.

Так велел Учитель, чьего настоящего имени вообще никто не знал, даже Черная, стоявшая к нему ближе всех. Преданная настолько, что, казалось, готова смаковать грязь из-под его длинных, давно не стриженных ногтей. Да и какая, на самом-то деле, разница, как зовут Учителя... *мучителя*...

Лев смотрел на девушку в упор, или, скорее, сквозь нее. Он лежал на боку, привалившись костлявой спиной к стене с засаленными обоями, и таращил круглые глаза, давно потерявшие цвет. Когда это случилось – здесь или давным-давно, в те времена, когда Лев бродяжничал, кочуя от города к городу, от села к селу? Иногда он кое-что рассказывал о прежней жизни – скупое, осторожно, с оглядкой, хотя здесь, на Территории Свободы, его прошлое и будущее не интересовали никого, включая старшего брата.

Веки на мгновение опустились.

Девушка прижала палец к губам. Она не знала, удалось ли ей придать своему лицу умоляющее выражение, но изо всех сил пыталась дать понять, что просит об одном – молчать. Прошла вечность, прежде чем на физиономии младшего брата появилось более осмыс-

ленное выражение, он мутно улыбнулся. Губы дрогнули, и девушке показалось – они шепчут: «Давай!»

Благодарно кивнув, хоть и без всякой надежды, что Лев поймет всю глубину ее признательности, девушка продолжила ползти. Когда выход был уже совсем рядом, она поднялась на четвереньки и немного помедлила, словно выбирая направление. Затем немного подалась вперед, толкнула дверь, перебралась через порог – и оглянулась.

Если сейчас проснется еще кто-нибудь...

ДАВАЙ!

Больше не колеблясь, девушка рванулась, потеряла равновесие, оступилась и буквально вывалилась из комнаты в коридор. Ее тут же охватила паника – почудилось, что вот-вот из своей комнаты появится Учитель, за ним – Черная, чью запредельную жестокость ему порой едва удавалось сдерживать. И все равно – он был страшнее Черной: воспитать такую хищную тварь, безраздельно преданную и готовую на любое злодеяние, мог только очень скверный человек, который ни перед чем не останавливается.

Учитель умел укрощать Черную, а кто способен укротить его самого? Вопрос без ответа. Вот почему он куда опаснее своей преданной ученицы.

Может, он и не проснулся. Или занят: познает вместе с Черной все более глубокие тайны и возможности человеческой свободы.

Впрочем, желания убедиться в этом у девушки не было. Босой ногой она осторожно прикрыла за собой дверь и, пятясь, миновала коридор. Наружная дверь, ведущая во двор, изнутри никогда не запиралась – таково было правило Территории Свободы: ее двери всегда открыты для новых младших братьев и сестер. «Хотите сбежать – милости просим, – не раз повторял Учитель, сопровождая эти слова широким жестом в сторону ограды, за которой высились темные кроны сосен. – Только куда вам бежать после всего, что вы пережили и прочувствовали здесь? А главное – от кого? От себя? Ну, если так, – попробуйте...»

Девушка была готова попробовать. Добравшись до наружной двери, она медленно выпрямилась, опираясь на дверной косяк, чтобы сразу не упасть от истощения. Учитель прав, он в самом деле неглупый человек. После всего, что здесь было, после подвала и комнаты старшего брата, где единственное окно всегда закрыто шторой, а в сумрачном углу маячит фигура ненавистной Черной, бежать можно только от себя.

Но она все-таки сделает это.

Голова кружилась, перед глазами плавал туман, но девушка ни на что не обращала внимания. Спустилась с крыльца, торопливо пересекла заваленный хламом двор и всем бесильным, кошмарно исхудавшим телом навалилась на калитку.

Щеколда.

ДАВАЙ!

Щеколда показалась ей тяжелой, неподъемной, как хвоинка для лесного муравья. Но она изо всей своей муравьиной силы налегла на нее, обрадовалась, когда та поддалась, открывая путь, и даже не стала закрывать калитку за собой. Ноги сами понесли вперед, замелькали сосны, березы, дубы – смешанный лес. А вот и тропа, ведущая к шоссе, к людям...

Через два часа на обочине трассы водитель джипа подобрал истощенную девушку в одной рваной футболке и трусиках. Единственное, что она смогла произнести, – свое имя: Оксана. Фамилию она вспомнила только в приемном покое районной больницы, перед тем как надолго потерять сознание...

Часть первая

Наследство

1

Тетушка умерла, оставив наследство: исправный дом с хозяйством и просторным приусадебным участком.

Наследник оказался единственным – племянник из Киева.

Так уж сложилось, что больше никто на тетушкино наследство не претендовал. А этот самый племянник – сушая свинья. За минувшие пять лет не только не навестил родственницу – даже открыткой с Рождеством не поздравил.

Тем не менее она по всем правилам составила завещание, а местный нотариус, когда пришло время, связался с лицом, которому надлежало принять наследство.

А, вот еще что: тетушку звали Галиной.

2

«Примерно так начинается чуть ли не каждый старинный роман», – решил Антон Сахновский.

Живет себе человек в столице, занят своими делами, чего-то достигает в профессии, в общем – плывет себе по жизни, как бумажный кораблик. Вдруг – бац! – возникает родственница, о которой ты – нечего лукавить! – и думать забыл. Вернее, не возникает, а, наоборот, отдает богу душу и передает с того света единственному племяннику привет, наилучшие пожелания и ключи от усадьбы.

Наследник, ясное дело, седлает коня, отправляется в дальний путь, отпирает ржавый замок, с опаской переступает порог и входит в опустевший дом. Затем поднимается на чердак по скрипучей лестнице, а там, среди груды хлама, стоит затянутый паутиной старинный теткин сундук. Стоит поднять увесистую крышку, и оттуда хлынут жуткие семейные тайны...

Далее, конечно, разворачивается жестокая борьба за наследство. Интриги плетутся с византийским размахом. Наследника сначала пытаются обмануть, потом женить на чьей-то безобразной дочке, за всем стоит хищный и нечистоплотный ростовщик, вознамерившийся прибрать к рукам имущество покойной. Наконец наследника похищают, продают в рабство алжирским пиратам, он устраивает бунт, захватывает судно и бросает якорь у берегов необитаемого острова. Став со временем коронованным правителем этой земли, обманутый наследник возвращается в сопровождении отряда верных слуг, чтобы покарать презренного интригана, вернуть наследство и вдобавок жениться на освобожденной из рабства девице, которая впоследствии окажется единственной дочерью некоего вельможи, приближенного одного из самых могучих владык Старого Света...

Впрочем, реалии двадцать первого столетия далеки от атмосферы приключенческих романов века девятнадцатого, которые Антон в свое время один за другим глотал под одеялом при свете карманного фонаря. Наутро у него пухла голова и слезились глаза – поэтому маме не нравилось, что он засыпает слишком поздно. Его детство и юность прошли в маленьком городке Жашкове, дома ложились рано, еще до десяти – сэкономили электричество.

Однако именно таким наследником из зачитанных книжек почувствовал себя хирург Сахновский, узнав новость. Позже, уже основательно обдумав ситуацию, он понял – как раз чего-то в этом роде ему и хотелось. Нужны перемены; так призывал в свое время и рекламный слоган «Народного Руха»: «Потрібні зміни!» Хотя политика тут ни при чем: в любом случае надо двигаться, меняться или хотя бы стремиться к переменам.

В свои сорок Антон не испытывал ни малейшего желания продолжать жить в том же темпе. К этому возрасту он добился практически всего, чего хотел, но счастья от этих побед не испытывал. Посоветовавшись с приятелем-психиатром, а затем с приятелем-сексопатологом, Сахновский – крепкий сорокалетний мужик, известный в медицинских кругах хирург, – так и не решил, переживает он кризис среднего возраста или просто переутомился. Сорок для мужчин – тот самый порог, о котором сейчас немало говорят и пишут, что-то вроде женского климакса.

Консультациями Антон не ограничился. Раскопал в Интернете и в специализированных магазинах медицинской литературы все, что касалось тревоживших его проблем. Но и тут не определился: сорок – это начало жизни, середина или финал, время сводить баланс?

А баланс выглядел примерно так. Сразу после школы юный Сахновский буквально удрал из родного Жашкова в незнакомый Киев, поступил в мединститут, отбарабанил свое в армии – причем по странной прихоти военкома его, будущего врача, отправили в воздушно-десантные войска. Там он научился прыгать с парашютом, освоил рукопашный бой

и основные виды стрелкового оружия, успевая при этом исполнять обязанности медбрата в полковой санчасти. Умение срубить врага ребром ладони после армии не пригодилось. Парашюты он тоже видел только издали. Зато, когда вернулся в институт – весь из себя мужественный, при парадной форме и понтовом тельнике, светившем из распахнутого ворота кителя, отбоя от первокурсниц просто не было.

Одна из них годом позже стала его женой. Отец Екатерины был крут – без стука входил в министерские кабинеты, а зять в итоге получил неплохую работу в прилично оснащенной больнице. И уже в первые месяцы сумел доказать, что он – никакой не блатной выскочка. Несколько успешных операций, в положительном исходе которых сомневались даже более опытные коллеги, засвидетельствовали: Антон Сахновский – хирург божьей милостью.

Дальше все покатилося ровно. Этапы карьеры, жена, дочь, репутация в кругу коллег, уважение пациентов. За все это время Антон почти не бывал в Жашкове. А тетю Галю, ту самую, что оставила ему дом, впервые за много лет увидел на похоронах матери: та сгорела от рака желудка, стремительно, за пару месяцев. Процесс оказался необратимым, он как врач сразу понял это и вынужден был смириться.

Стыдно признаться, но от матери, от отца, который спился еще в середине девяностых, оставшись без работы, от тетки и вообще от всего, что связывало его с родней и малой родиной, Антон постепенно отстранялся все дальше. Дошло до того, что, получив от неизвестного нотариуса сообщение о наследстве, он спросил: «А что, разве больше некому было оставить?» И был вынужден выслушать длинный и обстоятельный ответ, из которого стало ясно, что его родословная, и без того не очень разветвленная, обрывается на нем самом. Действительно – тетке волей-неволей пришлось завещать недвижимость единственному кровному родственнику.

В прошлом году Сахновский, без каких бы то ни было сожалений и колебаний, оформил развод с Екатериной. Их дочь к этому времени выросла, умудрилась в совершенстве освоить английский и с головой погрузилась в туристический бизнес. Да еще и замуж собралась в свои девятнадцать за какого-то весьма энергичного иностранца, который собирался открыть в Киеве представительство одной туристической фирмы, чей головной офис находился где-то «там». Как раз об этом «там» и мечтала дочь, и, похоже, ее мечты вполне могли стать реальностью.

Екатерина тоже отнеслась к разводу спокойно. Она не считала себя покинутой или преданной, не устраивала скандалов и истерик. Несколько лет назад, при поддержке все еще влиятельного отца, она открыла частный диагностический центр, который поглощал все ее время. Сахновский стал подумывать о разводе, когда обнаружил, что их интимные отношения превратились в сугубо оздоровительную процедуру. А в последние полтора года до развода супруги по вечерам удалялись каждый в свою спальню, хотя ссор между ними не было, а на друзей и знакомых они производили впечатление счастливой и успешной пары. Просто однажды им перестало быть интересно вместе, куда-то пропали общие темы; и когда Антон предложил развестись, втайне ему хотелось, чтобы Катя хотя бы раз закатила настоящий скандал. С воплями, с обвинениями, с битьем посуды – словом, чтобы хоть как-то ожила, дала волю чувствам.

Ничего подобного, в ответ последовало короткое и деловитое: «О'кей, когда тебе удобно оформить? У меня есть пациент из судейских, довольно крутой. Можно даже на заседание не ходить, только время тратить».

Вот и все. Итог двух десятилетий супружеской жизни уложился в три фразы.

Собственно, это Екатерина сообщила Антону о смерти тети Гали.

3

В относительно стабильные времена, задолго до полосы кризисов, накрывших страну, Сахновские купили еще одну квартиру – двухкомнатную.

Сначала думали – для дочери. Но девушка, занявшись бизнесом и увлекшись перспективой перебраться в Европу, не особенно претендовала на это жилье. Зато после развода квартира пригодилась Антону. Он перебрался туда, прихватив из их общего с Екатериной имущества только свою одежду и книги.

Номер мобильного Сахновскому пришлось поменять еще до того. Идиотская ситуация – телефон сперли прямо в больнице. Воришку поймали, об этом даже был сюжет в телевизионных новостях, Антон мелькнул в кадре, получил свои полминуты славы. Однако сам телефон карманник успел передать напарнику. Того, кстати, тоже взяли – среди пациентов Сахновского были и милицейские чины. Но за это время его мобильный ловко сбросили за полцены барыгам у радиорынка на Караваевых Дачах. Таким образом, номер, который был многим известен, утратил актуальность.

Пришлось покупать новый аппарат, не проблема. Только жашковской тетке свой новый номер он как-то позабыл сообщить – было не до того. Тетя Галя знала его киевский адрес и номер домашнего телефона, но тут как раз прошла реконструкция АТС, и городские номера тоже сменились. Поэтому соседка покойной, Светлана Пимонович, лица которой Антон даже не помнил, так и не сумела вовремя сообщить ему о кончине родственницы. Единственное, что ей удалось, – отбить телеграмму на домашний адрес Сахновского.

Однако Антон уже больше года там не жил, а бывшая жена отсутствовала – отправилась отдыхать за границу в обществе делового партнера, он же вероятный кандидат в новые мужья. Телеграмма провалялась в почтовом ящике еще с неделю после того, как они вернулись: современные горожане редко пишут письма, а из почтовых ящиков выуживают разве что счета и рекламные буклеты. Именно таким образом – освобождая почтовый ящик от пестрого рекламного хлама – Екатерина наткнулась на странную телеграмму, адресованную Антону, прочитала и тут же набрала номер его мобильного.

Сахновский долго размышлял, с кем связаться, как выкроить время, чтобы хоть ради приличия посетить могилу тетки, кому в Жашкове дать денег, чтобы присматривали за захоронением. Жашков давно перестал быть ему родным – просто точка на карте Черкасской области. Тем не менее, решив в уме все эти уравнения, он нашел выход. Порылся в старье, отыскал открытку, присланную в незапамятные времена тетей Галей ко дню медицинского работника, выписал обратный адрес и дал телеграмму, добавив двойку к номеру дома на открытке – то есть ближайшим соседям, этой самой Светлане Пимонович. В телеграмме сообщил номер своего телефона и попросил при первой возможности перезвонить.

Однако вместо соседки позвонил на удивление деловитый для такой глухой провинции нотариус. Так Антон Сахновский узнал, что унаследовал домовладение в городе Жашкове Черкасской области, и теперь ему предстояло решить, что с этим наследством делать.

С этой мыслью слегка растерянный наследник переспал ночь.

А наутро явилось решение, которое удивило не только самого Антона, но и тех, кому он счел необходимым об этом сообщить.

4

– Тебе, Антонио, что, больше нечем заняться?

С будущим супругом своей бывшей жены Сахновский познакомился вскоре после развода. Екатерина без колебаний представила мужчин друг другу, и Антон достаточно быстро нашел с Романом Кравцовым общий язык. Втайне он не без удовлетворения отметил: Екатерина не искала ничего лучшего или даже просто нового. Она привыкла к определенному образу жизни, к одним и тем же формам профессионального и личного общения и не заморачивалась поисками добра от добра.

Ее потенциальный муж отличался от прежнего лишь внешностью и медицинской специализацией. Мужчины моментально это прочувствовали, честно признали друг друга «молочными братьями», и благодаря этому в их отношениях появилась некоторая фамилльярность. Они и звали друг друга соответственно – Антонио и Ромео.

Даже в отношении к жизни Кравцов мало отличался от Сахновского. Их профессиональные карьеры складывались вполне успешно: Кравцов был довольно известным психиатром. Несколько лет назад вместе с коллегой-наркологом и его бывшими пациентами из числа деловых людей он создал в Киеве центр наркологической и психологической помощи для страдающих алкоголизмом и наркоманиями. Роман достаточно уверенно стоял на ногах, добился финансовой независимости, был на «ты» с политиками и бизнесменами, чьи имена без конца мелькали на страницах газет, а лица – в телевизионных новостях. Сейчас Кравцов занимался расширением практики и через несколько месяцев рассчитывал открыть современный центр диагностики и лечения, куда и зазывал Сахновского, обещая должность заведующего отделением.

Особой разницы не было: Антон и без того заведовал отделением, но в государственной клинике, и уходить оттуда, несмотря на скромную зарплату, не торопился. Дело не в зарплате: работу хирурга такого класса, как Сахновский, оплачивали благодарные пациенты. Это не значило, что попасть к нему на прием или на операционный стол можно было, лишь вручив лично или переводя на валютный счет заранее оговоренную сумму. Особой разницы между имущими и неимущими пациентами Антон не делал, но в последние годы на рядовых больных у него оставалось все меньше времени. Каждый день Антона был расписан буквально поминутно, а пациенты, которыми он занимался, добровольно оплачивали его услуги, причем по тому тарифу, который определяли сами.

Собственно, именно это обстоятельство и стало решающим.

– Работы у меня, сам знаешь: головы не поднять.

Антон немного отодвинулся от стола, предоставляя официанту возможность разместить на столике блюда: «молочные братья» решили отобедать вместе. По случаю июньской жары были заказаны бульон, легкий салат и тушеная телятина.

Дождавшись, пока официант соберет опустевшие бульонные чашки и удалится, Сахновский продолжал:

– Я устал, Ромео, понимаешь? Выдохся, спекся, или как там еще говорят... Синдром хронической усталости, знаешь такой?

– Угу. Весьма модный диагноз. На хроническую усталость можно списать все что угодно, это я тебе, Антонио, говорю как психиатр. Не ладится у мужика с дамой в койке – все, конечно, хроническая усталость. Затем триста баксов, сауна, приличная проститутка, и он мчится ко мне с воплем: «Роман Григорьевич, все получилось! Высший класс, я опять мужчина!» Это, значит, он за два часа в сауне с девкой от хронической усталости исцелился. Догадываешься, что дальше?

– А с женой у него все равно через раз, – кивнул Антон, отправляя в рот ломтик нежного, приготовленного по фирменному рецепту здешнего шефа филе.

– Точно. А три сотни на сауну и девку ему все равно жалко. Не будет же он всякий раз, как припечет, платить за секс, иначе весь его средний бизнес так и накроется тем самым местом, из-за которого у него проблемы... Но это всего лишь пример, Антонио, и далеко не самый характерный. Устал – имеешь право на отдых. Договаривайся на работе, бери горящий тур – и вперед. Две недели полного безделья в другой стране, у моря.

– Обалдею, а?

– Обалдеешь, – согласился Кравцов. – Тогда на неделю. А еще лучше – сделай так, как я тебе советую: переходи ко мне.

– Ты же даже не открылся!

– А, – Роман небрежно махнул рукой. – Дело ближайших недель. И получишь гарантированно комфортный режим работы. Хирург такого класса, как ты, Антонио, не имеет права растрачивать себя в текучке. Устанешь – время на восстановление мы тебе всегда предоставим.

– Ну а резать-то кто будет?

– Мало ли нормальных хирургов? Твои операции будут расписаны на месяцы вперед. Не забывай: речь о лечебно-диагностическом центре. Никакой спешки, толпы пациентов, хаоса. Диагностика – дело серьезное, неторопливое, ошибка может дорого стоить. Пойми, нормальные люди от этой жизни хотят одного – стабильности, уверенности в завтрашнем дне.

– Откуда им, интересно, взяться?

– В масштабах страны – да, тут ты прав! – Кравцов поднял вилку вверх и описал широкую окружность, как бы обозначив масштаб. – Но для отдельного человека – вполне возможно. Знаешь, чем Украина действительно уникальна? У нас каждый сам за себя, а следовательно – преуспевает сильнейший. А раз так, – продолжал он свою мысль, – каждый сам создает свою персональную стабильную ситуацию. В бизнесе, профессиональном росте, финансах, культурном досуге...

– Страна равных возможностей? Здесь тебе не Америка прошлого века, это просто смешно...

– Да нет, при чем тут Америка? Там тоже возможности далеко не равны, – отмахнулся Роман. – Нам и до этого еще пахать и пахать. У нас другое: каждый делает что хочет и получает такой результат, какой сможет.

– Тогда, Ромео, я абсолютно четко вписываюсь в эту твою схему. – Сахновский отправил в рот еще один ломтик телятины. Некоторое время мужчины отдавали должное еде, думая каждый о своем.

Наконец, положив нож и вилку крест-накрест на опустевшую тарелку, Кравцов откинулся на спинку стула.

– Я все равно не понимаю. Ладно, в конце концов, дауншифтинг сейчас в моде. Но...

– Ты о чем?

– О таких, как ты. Дауншифтеры, слышал?

– Нет, – честно признался Антон.

– Свихнувшиеся вроде тебя. Утомленные городской средой успешные зрелые люди. Бросают все, забивают на перспективы, продают жилье хоть в Лондоне, хоть в Киеве и закатываются в какие-то деревни или райцентры. Покупают там покосившиеся халупы с сортиром на свежем воздухе, занимаются сельским хозяйством, ограничиваются минимумом благ цивилизации. Зато – близость к природе, покой, отсутствие стрессов, ну и прочее в том же роде.

Антон тоже откинулся и сложил руки на слегка выпирающем животе.

– Гляди-ка, Ромео, как классно ты мне все растолковал. Только у меня немного другая ситуация. Понимаешь, я уже несколько раз подряд не смог принять одну пожилую женщину, которую ее сын хочет показать только Сахновскому.

– Что, некому принимать больных? – брови Кравцова поползли вверх.

– Есть. Вполне квалифицированные врачи, я своим коллегам доверяю, – согласился Антон. – Но есть люди, убежденные в том, что Сахновский – господь бог.

– Бога нет, Антонио, это я тебе авторитетно заявляю. Есть точная диагностика и вовремя, на современном уровне проведенное лечение. Согласно протоколам ВОЗ.

– Правильно. Однако кто-то продолжает верить: хирург Сахновский способен сделать нечто большее, чем другие.

– Это – репутация, Антонио. Я бы гордился.

– А я и горжусь. Но на эту старуху и таких, как она, у меня практически не остается времени. Я же врач, и неплохой врач. Почему на одних у меня есть время, а на других его не хватает? Или я уже жирком оброс?

– При чем здесь жирок? Для сорокалетнего такое пузцо – норма. Это я тебе как психиатр говорю. Если оно тебя смущает – купи абонемент в спортзал, посещай регулярно.

– Не хочу!

– О! С этого и следовало начинать. Нервы, Антонио. Ты глотишь себя, потому что остановился в развитии. У тебя все есть, но чего-то не хватает. И я знаю чего: переходи ко мне. Обещаю: каждый пациент, который обратится к нам, получит возможность проконсультироваться у доктора Сахновского. Ты не Христос, всех скорбей не исцелишь и всех голодных не накормишь пресловутыми пятью хлебами. Можешь, правда, принимать пациентов вместо обеда, после рабочего дня, среди ночи. И надолго тебя хватит?

Антон вздохнул:

– Ты, Ромео, прожженный циник. Это диагноз.

– А ты разве нет?

– И я такой же. У медиков это профессиональное.

– Так чего ты дергаешься? Вводишь в наследство, продай к чертям этот дом...

– И что? – поспешно прервал Сахновский. – Сколько я выручу за частный дом, хотя бы и в центре Жашкова? Ну, тысяч десять долларов, и те в Жашкове, я тебе гарантирую, некому выложить. Зачем они мне? У меня все есть: квартира в отличном районе, новая машина, известный статус... Иначе говоря, Ромео, я – человек с возможностями, которые полностью реализованы здесь и сейчас.

– Типичный синдром дауншифтера! – Кравцов подался вперед и навалился локтями на край стола. – Ты устал от большого города и хочешь перебраться в маленький. Полагаешь, что там тебя ждет покой, там ты обретишь себя...

– Покой – вряд ли, – перебил Антон. – А вот себя – на все сто! Я там родился и вырос, Ромео. У тебя есть такое место? Хотя, откуда – ты же коренной киевлянин, столичная штучка в трех поколениях, что в наше время большая редкость...

– Столько пафоса! Сахновский, тебе не тошно себя слушать?

– Пафос тут ни при чем. Если я, Ромео, продам свою киевскую квартиру, которая раз в пятнадцать дороже, чем теткина хата, то в родной город вернусь состоятельным человеком. Жилье искать не придется. Денег должно хватить и на то, чтобы открыть свою, понимаешь – *свою* клинику. Ты предлагаешь работать у тебя? А я хочу работать у *себя*. Это ясно?

Кравцов присвистнул:

– Ого! Так вот ты на что нацелился! Так бы сразу и говорил.

– А мне только вчера это пришло в голову! – Сахновский тоже подался вперед, приблизив лицо к собеседнику. – В сорок лет, как говорил герой одного советского фильма, жизнь только начинается. В Киеве, брат, расти мне больше некуда.

– А в Жашкове, думаешь, есть? Хочешь стать тамошним богом вместе со своей частной клиникой? Ты хоть представляешь, во что тебе обойдется оформление? Одна лицензия чего стоит!

– А точнее?

– С ходу даже не скажу, Антонио. В любом случае придется заносить по всей вертикали – от райздравицы до министерства. Это ж не палатка с пивом, не платный нужник, а медицинское учреждение! А в городках вроде Жашкова твоего возни с этим еще больше. Ты хотя бы представляешь, с чего начать?

– Пока нет, – честно признался Антон. – Но пытаюсь. Завтра пятница, с утра плановая операция, а после обеда двину прямо туда. Хочешь посмотреть, как люди живут за пределами Окружной, – присоединяйся.

– Да в гробу я видал Мухосранск этот! – фыркнул Кравцов. – Между прочим, Польша, Франция и Швеция – тоже за Окружной. И как там живут врачи нашего с тобой класса, я в курсе. Но об абонементе в спортзал все равно подумай. А лучше, как вернешься домой, прими душ, да похолоднее. Чтоб голова остыла. Или сходи в сауну с девочками, смени антураж. Триста зеленых – делов-то... Глядишь – попустит.

– Часто пользуешься? – со смешком поинтересовался Антон. – Екатерина в курсе?

– Дурачина ты, Сахновский, – вздохнул Роман. – Давай, вали на свою разведку. И спрячь бумажник – я приглашал, мне и платить...

Никто из них и представить не мог, что мечта Антона Сахновского изменить жизнь станет явью уже через два дня.

Жуткой явью.

5

Выехав из Киева во второй половине дня в пятницу, Антон удачно миновал пробки, вырулил на Одесскую трассу и уже через два часа пересек границу Черкасской области. Позади остались полторы сотни километров, отделявших захолустный райцентр от столицы.

У жашковского автовокзала он свернул с трассы, сразу почувствовав разницу в состоянии дорожного покрытия. Миновал популярный у дальнбойщиков базар у трассы, где круглосуточно поят, кормят, а при желании обеспечивают всеми мыслимыми сексуальными услугами, и взял курс на центральный городской рынок, рядом с которым тянулась улица Шевченко, где раньше жила тетя Галя.

Галина Борисовна Смеречко – так ее звали. Когда-то она рассказывала, что замуж вышла только потому, что ей пришлось по душе симпатичная фамилия парня: Смеречко. Но смерека, то есть ель, – древесная порода, а носитель фамилии на поверку оказался и в самом деле чем-то вроде дерева. По крайней мере, так считала покойная мама Антона. Николай Смеречко категорически не терпел двух вещей: систематической работы и детского крика. Занимался он чем попало, начинал и тут же бросал, поэтому ни в одной области не добился заметных успехов. К тому же упорно не желал заводить детей.

Промаявшись со своим Смеречко несколько лет, тетя Галя решила рискнуть и забеременеть «исподтишка». Это привело к первой на памяти Антона семейной драме: Смеречко решил, что жена беременна не от него – «нагуляла», напился и жестоко избил тетю Галю. Началось кровотечение, и, чтобы спасти ее жизнь, плод пришлось удалить. Смеречко арестовали, судили и впаляли срок, да что толку – иметь детей тетя Галя больше не могла.

Вот почему всю свою нереализованную любовь к детям она отдала единственному племяннику Антону, которому к тому времени исполнилось шесть лет. С мужем тетя Галя развелась, но фамилию не сменила – та напоминала ей об ошибках молодости, которые уже поздно исправлять.

Замуж она так и не вышла, а сгорела, как и старшая сестра, – от рака.

Когда та самая телеграмма попала в руки Антона, первое, что пришло ему в голову: это не рак, это – одиночество. При этом он испытал такой жгучий стыд, какого давно не ощущал. Только позже, немного успокоившись и обдумав случившееся, он понял, что это чувство не в последнюю очередь повлияло на принятое им решение.

Он не просто ехал в родной город, чтобы принять наследство. Он *возвращался*, чтобы искупить вину. В чем конкретно она состояла и каким образом он намерен ее искупить, Сахновский пока не знал, но что-то подсказывало – направление выбрано верное.

Улицы Жашкова вызвали двойственное чувство. Вроде бы все знакомо с детства – и в то же время чужое. Хотя на самом деле за последние два десятилетия городок мало изменился. Поначалу Антону казалось: стоит только остановиться, выйти из машины – и тут же, прямо на тротуаре, нос к носу столкнешься с добрым десятком друзей детства или просто старых знакомых. Начнут обнимать, тискать, хлопать по плечу, тащить выпить за встречу с каждым в отдельности и со всеми вместе... Потом ему вообще расхотелось выходить из машины: здесь все знают всех и любой новый человек вызывает нездоровое любопытство... Отмахнувшись от дурацких мыслей, Антон свернул к рынку, потом почти наугад отыскал Коминтерновскую. Улица Шевченко, которая ему нужна, тянется где-то рядом.

Обнаружил он ее довольно скоро, ни разу не заблудившись и не спросив дорогу, – заблудиться в Жашкове, прямо скажем, непросто. А вот если б понадобилось расспросить местных, тут бы возникла проблема. Он ехал через центральную часть города, однако прохожих на тротуарах было – раз, два и обчелся.

Теткин дом он узнал сразу, еще издали. Мощная штука детская память! Он бывал здесь много раз, а порой и оставался у тети Гали на несколько дней.

История этого дома, как помнилось Антону, была довольно запутанной. Когда-то он принадлежал пожилым родителям злополучного Смеречко. Женившись, Николай привел молодую жену в отчий дом. Но после всех событий, когда Смеречко уже сидел под следствием, а тетя Галя лежала в больнице, свекор со свекровью явились в палату к невестке – просить прощения за сына. А заодно предложили «доченьке» остаться в их доме, потому что сами давно собирались перебраться в деревню, в Острожаны. Свекор был заядлым рыболовом, а Острожанские пруды славились на весь район.

Тетя Галя была еще слишком слаба, чтобы твердо отказать. Но тридцать пять лет назад, еще при Советском Союзе, оформить подобные сделки с недвижимостью было сложно.

Правда, в конце концов все благополучно завершилось. Отсидев свое, Николай Смеречко вернулся в город и попытался выставить бывшую жену из дома. Тетя Галя заперлась и не пустила его на порог. Бывший муж впал в буйство, соседи – родители той самой Светланы Пимонович – вызвали милицию. Пьяный в дым и ничего не соображающий Смеречко полез в драку с ментами, сломал старшему наряда нос. И, ясное дело, опять загремел за решетку за нападение на сотрудников милиции при исполнении. Когда он вышел из зоны и куда запропастился – никто не знал, да и знать не особенно хотел.

Дом оказался не таким большим, каким остался в памяти Антона. Но даже с улицы, взглянув поверх довольно нового и крепкого дощатого забора, он увидел, что тот выглядит уютным, опрятным и вполне ухоженным. От ворот к деревянному гаражу вела бетонированная подъездная дорожка – у старших Смеречко когда-то был «Москвич», но по прямому назначению гараж давным-давно не использовался. По воспоминаниям Антона, там обычно хранили садовый инвентарь и прочие хозяйственные принадлежности.

Он вышел из машины и толкнул калитку. Открыто. В Жашкове в частных домах калитки изнутри обычно не запирают. Однако он помедлил и не стал входить. Достал телефон, набрал номер соседей – и тут же сбросил: гостя здесь ждали и соседка уже спешила ему навстречу, вытирая на ходу руки краем передника.

Ровесница покойной тети Гали и ее близкая подруга – следовательно, лет шестидесяти с небольшим, она, однако, казалась старше своих лет, но выглядела бодрой и энергичной.

– Антон? – уже подойдя вплотную, уточнила Пимонович, близоруко щурясь.

– Он самый. Я бы вас тоже не сразу узнал, Светлана... Ивановна, если не ошибаюсь?

– Можно и так, – кивнула она. – А хочешь – зови тетей Светой... Ничего, что на «ты»?

– Все нормально, Светлана Ивановна... – Он замаялся, не зная, что полагается говорить в таких случаях и как вести себя дальше. – Видите, вот, приехал... Едва вырвался...

– Всяко бывает, – согласилась женщина. – Гляди-ка, ты у нас модный какой... Ясно, у вас в Киеве ни на что нету времени... Что там власть?

– Власть? – Неожиданный вопрос удивил Антона.

– Ну да. Когда они порядок-то наведут? Никак не помирятся в Раде!

– Ей-богу, не знаю! – Антон даже руками развел.

– Разве в Киеве не виднее?

– Может, кому и виднее. А я от этого далеко...

– Ладно, пусть чубятся, – соседка махнула рукой. – Так ты что с домом решил – будешь продавать? Тогда я тебе покупателя найду, есть тут пара желающих. А что, дом нормальный, отремонтирован, и место хорошее... Или под дачу оставишь?

Словоохотливая соседка и дальше сыпала бы вопросами, но Антон сразу перешел к делу:

– С этим спешить не буду. Во-первых, дом пока не мой – там еще полгода или около того ждать придется... опять же бумажки всякие. Ну, это мне нотариус растолкует. А ключи у вас?

– А как же, – женщина кивнула, запустила руку в карман пестрого халата и извлекла оттуда небольшую связку на сером шнурке. – Эти два от входной двери, вот этот, поменьше, – от чердака, а этот, для навесного замка, – от погреба. Принимай свое хозяйство, Антон... – Она запнулась, поколебалась немного и продолжала: – Продавать будешь – ко мне прислушайся. Я плохого человека не посоветую. Жалко, если хата в дурные руки попадет. Там ведь и садик неплохой, и огородик. Галя даже картошку успела посадить...

Она еще что-то говорила, но Сахновский почти не слушал. Подбрасывал на ладони связку ключей – самые обычные, даже кольца или брелока для них не нашлось.

Но он-то сознавал, что это не просто ключи от дома тети Гали, теперь принадлежащего ему, но и от новой жизни. И не исключено, что гораздо более интересной и полезной, чем та, которую он, Антон, вел в последние двадцать лет.

Откуда ему было знать, что один из этих ключей отперет дверь, ведущую к чужой и страшной тайне.

6

День сошел на нет незаметно, хотя Антону он показался бесконечно долгим.

Нотариуса пришлось ожидать минут двадцать, не больше. Жашков – город малолюдный, а главное – пробок на здешних дорогах нет и в помине. Антон, водитель с десятилетним столичным стажем, даже представить такое уже не мог. Это обстоятельство добавило еще одно очко в пользу его решения перебраться в провинцию.

Неожиданно он поймал себя на мысли: а ведь и в самом деле, в последние годы он так и не выбирался за пределы большого города на машине. Отпуск – за рубежом либо в Карпатах, ни в коем случае не садясь за руль и не экономя на комфорте. Собственно, из положенного месяца отдыхал он всего две-три недели. У него даже выработался собственный график: Новый год – в Карпатах или в Праге, майские праздники – в Турции, в конце августа – Египет или Греция. Этим фантазия Антона и ограничивалась; он не страдал от такой стабильности и никогда не испытывал скуки.

Стрессов ему, востребованному хирургу, хватало и на работе, включая выходные: сплошь и рядом возникали экстренные ситуации, когда приходилось оперировать по воскресеньям.

Именно поэтому, войдя в калитку одноэтажного дома средней руки, в котором он не бывал с тех пор, как окончил школу, Антон Сахновский остановился посреди двора и полной грудью вдохнул *покой*. И еще раз, но даже острее, чем обычно, ощутил, насколько устал. Он бы назвал эту усталость смертельной, но, как и большинство врачей, относился к определениям такого рода с осторожностью. И только гораздо позже отметил: само слово «*смерть*» вынырнуло из глубин его подсознания непосредственно после того, как он ступил в этот двор и сделал несколько шагов.

Впрочем, тогда он не придавал этому ни малейшего значения. Еще несколько раз глубоко вздохнул, словно промывая легкие, и поднялся на крыльцо.

Оно было уже не тем, что в его детстве. Прежнее, деревянное и сильно обветшавшее, тетя Галя заменила надежным кирпичным сооружением. Но то крыльцо все еще жило в его памяти: старое, со скрипучими ступенями, некрашеное, вдвое более широкое, чем нынешнее. Из-за этого фасад дома теперь выглядел каким-то незавершенным, кургузым. Рука помимо его воли дрогнула и поднялась: он собирался постучать, как всегда, когда приходишь в дом к чужим. Поймав себя на этом, Антон усмехнулся – чужие здесь не ходят! – и решительно вставил ключ в замочную скважину. Один оборот, второй – дверь распахнулась под его нажимом, и он вошел.

Из глубины прихожей в лицо ему сразу ударила сложная смесь запахов, которые в совокупности и составляют неповторимый *запах дома*. Не важно, живут ли здесь постоянно, приезжают на время или совсем забросили жилье. Запах все равно остается, и, даже если в одной из комнат стоит современная «плазма», а на крыше растопырилась спутниковая тарелка, в этом густом устоявшемся запахе больше памяти о минувшем, чем о делах наших дней.

Антон уже шагнул было из прихожей в комнату, но через стекло веранды заметил, что по двору спешит плотный седоватый мужчина в очках. На его шее, несмотря на жару, болтался наспех завязанный галстук, а сам он, в темном пиджаке и с папкой под мышкой, походил на депутата какого-нибудь поселкового совета – из тех, что сплошь и рядом мелькают в телевизоре в сюжетах о незаконном отводе земельных участков.

«Жашковский нотариус», – догадался Сахновский.

За нотариусом вразвалку двигалась вездесущая Светлана Ивановна. Теперь от нее отбоя не будет, но, с другой стороны, эта коренная жашковчанка еще пригодится ему, пришельцу из столицы, фактически чужаку для местных.

С нотариусом все решилось быстро и без проблем. Сомнений в том, что Галина Борисовна Смеречко отписала свое имущество племяннику по доброй воле и в здравом уме, у юриста не возникло. От Сахновского требовалось подписать несколько документов и подождать до декабря. Проживать в унаследованном доме он имеет полное право, но фактическим владельцем станет лишь после того, как истечет законный срок с момента кончины завещательницы. Потребуется также оплатить кое-какие налоги и сборы, после чего наследник сможет свободно распоряжаться имуществом – вплоть до продажи.

– А вы хотели бы купить этот дом? – насмешливо поинтересовался Антон.

– Я? – пожал плечами нотариус. – Зачем он мне?

– Мне показалось, что вы придаете какое-то особое значение тому, чтобы у меня появилась законная возможность им распорядиться, то есть продать. Сами претендуете или хотите покупателя порекомендовать?

Нотариус покосился на Светлану Ивановну, словно ища поддержки. Но та отвернулась.

– Я лицо незаинтересованное, – пробормотал юрист.

– Ну почему же: найдете клиента – оформите сделку. Довольно выгодная операция для любого юриста. Или я неправ?

Антон и сам не понимал, что его вывело из равновесия. С какой стати он цепляется к этому, в общем-то, вполне симпатичному человеку. Причина, очевидно, в том, что и соседка, и нотариус полагают, что все просчитали и видят его насквозь, а таких вещей Сахновский не любил. Но замечание юриста стало еще одним гвоздем, скрепившим принятое хирургом решение.

– Скорее всего, продавать дом я не стану, – напустив на себя задумчивый вид, проговорил он. – Где ж мне жить тогда, если я останусь без дома?

– А ты... это... поселиться здесь решил, что ли? – не сдержала изумленного возгласа соседка.

– Ну, – коротко кивнул Антон. – А что удивительного?

– В качестве дачки, значит? – уточнила соседка.

– Ну зачем? Я, Светлана Ивановна, собираюсь совсем перебраться в Жашков. Жить и работать. – Добившись вполне прогнозируемой реакции, он пояснил: – Сейчас многие так делают. Кризис, знаете, большие города перенасыщены специалистами. Киев вообще похож на муравейник. Вот народ потихоньку и оттягивается туда, где дышится полегче. Дауншифтинг, приходилось слышать?

Насчет дауншифтинга – это вряд ли, но в целом такого объяснения соседке и нотариусу будет вполне достаточно. Не начинать же им втолковывать то, что и ему самому еще не до конца ясно, раскрывать душу. Да, у него, Антона Сахновского, есть *желание* оставить позади все, что с ним случилось за эти годы в Киеве, и найти себя, нового, там, где родился и вырос. В сущности, родиться второй раз или пережить метаморфозу, как куколка, которая становится бабочкой. Снова стать гадким утенком и доказать свое право на жизнь. Беда в том, что причину, по которой у сорокалетних мужчин появляются такие желания, не объяснить ни в двух словах, ни вообще словами.

Поэтому Антон решил не распространяться особо. Сами увидят.

– Н-да-а, – протянул нотариус после паузы. – Меняете, значит, столицу на провинцию...

– Люди везде живут, – усмехнулся Сахновский.

– А чем собираетесь заниматься?

– Я врач-хирург. Не из самых худших. Займусь своим делом. Вы же до сих пор, чуть проблемка посложнее, в столичные клиники мчитесь, надеясь на тамошних специалистов? Ну, а теперь незачем будет ездить. Все на месте, по высшему классу.

– Я вижу, у вас серьезные планы! – покрутил носом нотариус. – Что ж, попробуйте... Но не гарантирую, что наши светила не сожрут вас в два счета, да еще и без соли. Хотя попытка – не пытка.

– Неужели в Жашкове есть нечего, кроме кандидатов меднаук? – неловко пошутил Антон.

– Ну, вы прекрасно понимаете, о чем я, – без улыбки отозвался нотариус.

– Люди у нас, вообще-то, неплохие... – вклинилась Светлана Ивановна. – Но город маленький, все всех знают. Большая деревня... Да еще и трасса вдобавок...

– При чем тут трасса? – недоуменно вскинул глаза Антон. – И вообще, не в том дело. Надо работать, не заглядывать через забор к соседу, перестать считать чужие деньги – и все будет хорошо. Не знаю, получится у меня что-нибудь или нет, но надо пробовать. А насчет продажи... Это ведь всегда успеется, верно?

– Смотря за сколько, – философски заметил нотариус, покосился на часы и начал собирать бумаги. – Ну, я откланиваюсь. Услуги юриста вам еще понадобятся, если всерьез решили бросить в наших краях якорь. Обращайтесь, чем смогу – помогу.

Мужчины обменялись рукопожатием, и нотариус удалился с чувством выполненного долга. Еще на крыльце он избавился от проклятого галстука: на кой он сдался, если клиент – не столичная штучка, а свой мужик, жашковский...

7

Светлана Ивановна, наоборот, никуда не спешила.

Поэтому вместо того, чтобы заняться осмотром дома, Антон провел с нею на веранде больше часа за разговорами. Речь шла об отношениях Пимонович с тетей Галей и о самой Светлане Ивановне, но больше о том, как его тетушка ушла из жизни.

В прошлом соседка работала в буфете при автовокзале. Но уже с середины девяностых, когда окончательно вошли в силу «товарно-денежные отношения», стала совмещать работу с челночной торговлей. Потом окончательно бросила буфет, обосновалась на местном рынке и к сегодняшнему дню стала, как понял из ее слов Антон, кем-то вроде неформального лидера здешнего «купеческого сословия». Иначе говоря, вошла в двадцатку тех, кто в границах жашковского рынка и мог, и умел решить массу вопросов малой и средней сложности.

Галя Смеречко, напротив, не имела ни тяги, ни таланта к торговле. Так и досидела до пенсии бухгалтером в какой-то захудалой конторе, после чего занялась домом, садом и огородом. Пенсии, такой же чахлой, как и контора, в которой тетя трудилась, хватало на хлеб, сало, мороженую мойву и оплату коммунальных счетов. Остальное меню обеспечивало приусадебное хозяйство. Но Светлана Ивановна, которая давно жила без мужа, а детей пристроила в крупных городах – кого куда, – не смогла, по ее словам, мириться с таким бедственным положением соседки и подруги.

– Говорю ей: Галка, не хочешь на базаре стоять – давай мне, я продам, – рассказывала она. – У нее ж и картошка ядреная, и огурцы, и капуста, и яблоки, и вишни, и груши... Все, что душа пожелает. А консервация! Загляни в погреб – там, наверно, еще осталось. Какие салаты твоя тетка закатывала! Варенье смородиновое, огурчики-помидорчики, патиссоны-баклажаны... Ну, поначалу Галка не очень-то, а потом нормально, пошло дело. Деньжат чуток завелось, по-человечески зажила под старость. Правда, все, что скопила, ухнуло на лекарства, да без толку...

При этих словах Светлана Ивановна смахнула слезинку краем косынки и заявила:

– Ты, Антон, тетку забыл, хочешь – обижайся, хочешь – нет! А она о тебе, между прочим, всегда помнила. Да только и ты бы ей не смог ничем помочь...

В ее категоричности была правда, ничего, кроме правды.

– Долго она болела?

– Началось все года два назад. Сначала еще туда-сюда, она даже в поликлинику не ходила. А на прошлый Покров так скрутило Галю, я сама перепугалась. Вызвала «скорую», забрали ее в районку. Потом в Умань перевезли, я о машине договаривалась. Там сделали какие-то анализы, повезли в Черкассы...

– В Киев не ближе было?

– Ближе, – согласилась Светлана Ивановна. – Только там втрое дороже.

– В самом деле дороже или только говорят?

– Дороже, – с уверенностью подтвердила соседка. – Но сколько ни возили, везде одно и то же: рак, надо оперировать. Пока то да се, денег нет... А когда в начале апреля ее опять в больницу взяли, говорят: операция не поможет. Месяц Галя отлежала, никак не выпускали. Я к ней бегала каждый день... Ну, а первого мая отошла, похоронили по-человечески, завтра на могилку сходим...

– Спасибо вам...

– Да что там «спасибо», мы ж, считай, свои, – отмахнулась соседка. – Ох, хватит мне языком молоть... Раз уж ты и в самом деле решил тут зацепиться – давай, осваивайся. Есть

захочешь – заглядывай, не стесняйся. У меня на всех хватит, накормлю. Да и помянем заодно, у меня самогон знаменитый – на лимонной цедре с орехами...

– Спасибо, как-нибудь в другой раз... Я пока тут осмотрюсь...

– Ну, тогда утром завтракать позову. Или сюда принесу.

Наконец Светлана Ивановна ушла.

Антон Сахновский остался один.

8

Внутри дом тети Гали остался таким же, каким его запомнил племянник.

Антон сразу узнал и эти три тесноватых комнаты – одна меньше другой, – и старый, послевоенной работы вместительный шкаф для одежды в прихожей, и пузатый диван с тугими круглыми валиками вместо подлокотников, и трюмо конца шестидесятых годов – тогда эту модную новинку дарили к свадьбе.

Из прихожей, которая соединялась с кухней, Антон прошел в «зал» – так обычно в деревенских домах называют самую просторную из комнат. Пол здесь был застелен недорогими и не слишком потертыми ковровыми дорожками, в углу располагалась печь-голландка с плитой, выходящей в кухню. Антон знал, что дом давно газифицирован, но в памяти сохранились те времена, когда зимой у тети топили в комнатах и даже готовили на плите, экономя баллонный газ. Теперь печь служила декорацией, а плита – просто полкой. Застелив ее газетами, тетя хранила на ней кастрюли и сковороды.

Дверной проем вел из «зала» в комнату поменьше, где стояла широкая кровать, тоже подарок к свадьбе четы Смеречко, а напротив кровати на тумбочке пристроился вполне современный телевизор. Примерно таким телевизором в доме, где время навсегда остановилось, чувствовал себя сейчас Антон Сахновский.

Дальше располагалась совсем маленькая комнатуха, окна которой выходили в сад, то есть на противоположную сторону дома. Там стояла кушетка – не та, старая и продавленная, на которой мальчишкой спал Антон, но и не то чтобы новая. Видно, прежняя окончательно рассыпалась и тетя Галя по случаю где-то разжилась другой. В изголовье кушетки возвышался торшер, его он тоже опознал: старшая сестра, мать Антона, подарила его хозяйке дома на сорокалетие. Этот день, между прочим, был последним, когда Антон, уже студентом, переступил порог тети-Галиного дома.

Вот потому-то у Антона немедленно возникло желание устроиться именно здесь, в бывшей «своей» комнате, под торшером. Но для начала следовало как следует проветрить комнаты.

Июньский вечер уже уверенно вступил в свои права, но после знойного дня прохлады не было и в помине. Ни ветерка в саду. От разогретого за день воздуха атмосфера в доме стала еще более тяжелой, хотя Антон распахнул настежь все окна. Единственным местом, где оказалось чуть свежее, была «его» комнатуха – днем ее окно и часть стены все время оставались в тени садовых деревьев. Правда, из-за этого она была и самой сумрачной в доме: ветви яблонь и вишен почти полностью перекрывали доступ света. Это, однако, вполне устраивало Антона – полумрак создавал особый, ни с чем не сравнимый уют.

Из сада в дом проникали знакомые запахи: аромат разогретой почвы на грядках, зацветающих роз, ночной фиалки. Антон задержался у окна, постоял несколько минут, глубоко дыша. Вот чего ему не хватало в Киеве: воздуха, благоухания земли. И тут же он почувствовал, что зверски голоден.

Тут были два варианта. Первый – воспользоваться гостеприимством Светланы Ивановны. Но это потребовало бы от него поддерживать бесконечный и необязательный разговор, а ему этого вовсе не хотелось. Второй – сесть в машину и смотаться в город, поискать магазин, или, того проще, – к трассе, где предприимчивые местные жители кормят дальнотойщиков картошкой с котлетами, предлагают растворимый кофе или чай в пластиковых стаканчиках, в общем – что-нибудь сытное и незатейливое. Но он уже загнал машину во двор, рассчитывая завтра начать освобождать гараж от хлама, да и лень было опять отворять ворота и садиться за руль. Был и третий путь: спуститься в погреб и поглядеть, что там осталось из разрекламированной соседкой консервации тети Гали.

Но первым делом Антон заглянул в холодильник – и удивился, обнаружив затхлую пустоту. А заодно понял, чего ему все время так не хватало. Тетушкин холодильник был древний, отечественного производства, и постоянно гудел. Именно этот звук был неизменным фоном в ее доме. Но сейчас он молчал, потому что его выключили. А выключили потому, что хозяйка умерла, хранить тут нечего, а счетчик как-никак крутится.

Прихватив со стола связку, Антон выбрал ключ от погреба. Вход туда располагался в дальнем углу прихожей, за плитой. Он включил свет в прихожей и сразу увидел новенький никелированный висячий замок на крышке, перекрывающей доступ к сокровищам тети Гали. Где-то должен быть еще один выключатель – тот, который зажигает лампочку в погребе. Он обернулся – и тут же наткнулся взглядом на длинные ряды стеклянных банок различной емкости, выстроившихся вдоль стены. Еще дальше, в углу, виднелись три оцинкованных ведра. В одном – проросший картофель, во втором, неполном, – прошлогодняя морковь, частью подгнившая, в третьем – крупная свекла. Землистый запах этих овощей и был основным компонентом того самого *запаха дома*.

Странно.

В принципе, все это добро должно находиться в погребе. С другой стороны – какая, собственно, разница. Проверить, что еще осталось в подполье и осталось ли вообще, можно и завтра. А заодно на свежую голову тщательно осмотреть дом внутри и снаружи и выяснить, что в нем требует немедленного ремонта или замены. В том, что он приведет дом в порядок еще до конца лета, Антон даже не сомневался.

И все-таки: кто и зачем вынес все эти банки-склянки из погреба? А картошка? Даже закоренелому горожанину известно, что так ее не хранят. А уж покойной тетушке это было известно как дважды два.

Он наклонился, взял первую попавшуюся банку и посмотрел на просвет. Какой-то овощной салат. Кажется, баклажаны, сладкий перец, лук. А что тут у нас еще? Ага, те самые легендарные маринованные огурчики. В литровой банке что-то розовое – похоже, компот. Красная смородина с алычой. И это годится.

Антон перенес банки на стол в «зале», нашел столовые приборы и откопал среди ложек, вилок и ножей старенький консервный нож, справился с крышками, подцепил на вилку кружок баклажана, пожевал. М-м, вкусно... Черт побери, действительно вкусно! Похрустел огурцом – фирменный, истинная правда.

Жуя, оперся о край стола.

«Есть в этом что-то неправильное», – решил он. Состояние тети Гали резко ухудшилось в октябре прошлого года. Окончательно она сдала зимой, а с начала апреля в доме никто не жил. Однако незадолго до смерти тете почему-то понадобилось вытащить весь свой ассортимент из погреба, где ему, вообще-то говоря, самое место. По какой-то причине это было для нее так важно, что она не посчиталась даже с собственным самочувствием. Кто-кто, а уж он-то знал: человека со злокачественной опухолью в стадии Т-4 меньше всего волнует содержимое домашнего холодильника и погреба. И вряд ли тетя Галя стала бы посвящать последние дни перед отправкой в больницу переноске банок и ведер с овощами.

Да после пары курсов химиотерапии она бы просто этого не осилила!

Съев еще баклажан-другой и огурчик, Антон глотнул из розовой банки. Пойло оказалось приторно-сладким и страшно концентрированным – такие штуки, помнится, делают, чтобы разбавлять кипяченой водой или варить на их основе большие порции компотов. Он отставил банку и непроизвольно вытер липкие губы. Водопровода у тети Гали не было, это он знал, хотя Светлана Ивановна давно уже провела к себе воду и не пользовалась колодезем. В коридоре он видел большое эмалированное ведро с крышкой... Так и есть – на донце вода, совсем немного, кружка-полторы. С опаской понюхав воду, он прополоскал рот, чтобы

избавиться от приторной сладости, затем прислонился к дверному косяку и снова уставился на шеренги банок.

Неужели, зная, что смерть у порога, так важно было вынуть все это из погреба?

А что, если это сделала не тетя? Кто тогда? Светлана Ивановна – ведь у нее были ключи? Мародерствует понемножку, подторговывает остатками соседкиного добра, пока не пропало? Но зачем ей это и сколько там можно выручить? Копейки. И, если так, почему тогда не продала все – времени было достаточно. Целых два месяца в доме не было ни души. Тетю Галю хоронили из больничного морга, там же обрядили, а на кладбище отпели. Поминальный обед Светлана Ивановна заказала в столовой возле рынка. Может, банки вытаскивали, чтобы использовать консервацию для поминок? Так почему не использовали?

Прикрыв глаза, Антон потрянул головой, отгоняя нелепые мысли.

В самом деле, зачем засорять голову чепухой. Тоже мне, проблема! Завтра надо просто спросить у соседки, и все прояснится. И, пожалуй, в самом деле стоило бы отдать все это добро ей – она ему найдет применение...

Накрыв початые банки крышками, Антон взглянул на часы. Десятый час, пора и укладываться. День, начавшийся со сложной полостной операции и закончившийся не менее хлопотливой процедурой осмотра тетушкиного наследства, оказался чересчур утомительным.

Он погасил везде свет, оставив только торшер в маленькой комнате, где собирался расположиться. Лениво полистал купленный по пути журнал.

А затем, выключив торшер, уснул.

9

Проснулся Антон от грохота.

Спросонок почудилось – кто-то мечется по дому, натываясь в темноте на мебель и отшвыривая ее с нечеловеческой силой. В первые мгновения испугался, хотя и не считал себя трусом: «старики» в десантуре отбили всякий страх.

Армейская борьба за выживание научила его не бояться опасности, а просто оценивать свои шансы в любой, даже самой невообразимой ситуации. В те годы он мог в одиночку выйти против пары здоровенных лбов, чье единственное преимущество заключалось в том, что они «тянули службу» на год дольше, чем «салабон». Но, если лбов оказывалось пятеро и больше, рядовой Сахновский предпочитал любыми способами избегать конфликта: тупые выродки покалечат его, а потом все равно ничего никому не докажешь. Но против двоих у него были все шансы по крайней мере на ничью. Главное – понять, кого атаковать первым. В таких случаях один из противников всегда слабее. По-настоящему уверенный в себе боец предпочитает драться один на один.

Если противники оказывались не славянами, а кавказцами, Антон предпочитал вообще не начинать драку. Эти парни всегда держались стаями, компенсируя физическую слабость слепой яростью и неукротимой жестокостью. Могли неожиданно рвануть зубами или пустить в ход нож против безоружного.

Словом, армия научила будущего хирурга точно оценивать степень опасности и мгновенно решать – принять вызов или отступить.

Мгновенный испуг, который он только что пережил в темноте, был связан с другим: с неизвестностью. Он ничего не видел и не мог понять, что ему угрожает. Следовательно, не мог адекватно реагировать.

В конце концов Антон резко вскочил, сбросив простыню на пол, и занял оборонительную позицию. Но уже в следующее мгновение, когда грохот раздался снова, все понял и вздохнул с облегчением. Гремело за окном. Из сада тянуло свежестью, в небе трепетали зарницы, озаряя все вокруг розоватым призрачным светом. Ночная гроза, итог нескольких дней неопишуемой жары...

Протянув руку, Антон нащупал выключатель торшера, а когда свет вспыхнул, посмотрел на часы. Половина второго. Он проспал всего четыре часа.

Разминая суставы, Антон сделал несколько шагов к двери, на всякий случай заглянул в соседнюю комнату. Затем, руководствуясь смутным импульсом, нащупал на стене выключатель, щелкнул. Знал точно, что повсюду пусто, но только окончательно убедившись, что причин для тревоги нет, с облегчением выключил свет и притворил дверь, чтобы не было сквозняка.

И вдруг замер, так и не выпустив из руки дверную ручку.

Позади что-то было.

Антон не знал, что там, так как стоял спиной к окну. Но за окном, в саду, определенно что-то пошевелилось. Жуткое и бесплотное, словно сгусток тьмы. Оно находилось в нескольких шагах, явно намереваясь проникнуть в комнату через незапертое окно.

Оно готовится напасть!

Затылок мгновенно замерз, по спине побежали мурашки. Антон не смог бы объяснить, откуда возникло это ощущение. Словно спинной мозг подавал сигналы опасности, и он, доктор Сахновский, внезапно почувствовал себя здесь, в пустом доме, в тесной комнатке, глухой ночью, в одних трусах, совершенно беззащитным.

Опасность исчезает, когда ты ее видишь. Золотое правило, Антон часто им пользовался. Хирургу Сахновскому это тоже помогало: поставить диагноз, разглядеть и опознать болезнь – начало лечения.

Бояться нельзя.

Антон отпустил дверную ручку и стремительно обернулся.

Как будто ничего. Только опять раскатисто гроыхнуло, порыв свежего ветра раздул оконную занавеску. Но в следующее мгновение, когда он уже снова был готов посмеяться над собой, низкое ночное небо расколола кривая ветвистая молния. При вспышке Антон успел разглядеть темную фигуру в саду на расстоянии нескольких шагов от окна.

Кто-то неподвижно стоял под ветвями яблони, уставившись прямо на него.

Вот теперь у Антона и в самом деле перехватило дыхание. Он застыл на месте, словно подошвы приросли к полу. Тем временем молния снова рассекла небо, и под аккомпанемент оглушительных раскатов черная фигура слегка пошевелилась, на полшага приблизившись к окну.

Отсюда, с середины комнаты, Антон не мог как следует разглядеть неизвестного в саду – мешал слишком яркий свет торшера. Как только шок миновал, он медленно и осторожно переместился к торшеру и отодвинул в сторону источник света, не спуская при этом глаз с темной фигуры.

Этот маневр был замечен, но не имел никаких последствий. Призрачная фигура торчала на прежнем месте, под ветвями старой яблони, однако ничего не предпринимала и не выказывала никаких намерений – ни враждебных, ни дружественных. Собственно, даже не подавала признаков жизни.

Антон снова протянул руку, почувствовав при этом, как она предательски подрагивает, поймал двумя пальцами тонкий шнурок выключателя торшера и дернул. Слишком сильно! Свет погас, но старый торшер потерял равновесие и рухнул прямо на кушетку. Что-то зазвенело – очевидно, при падении лопнул баллон лампочки.

Комната погрузилась в темноту – точно такую же, как и та, что царила в саду. Черная фигура по-прежнему маячила в нескольких метрах от приоткрытого окна. И по-прежнему не двигалась. Кто бы там ни был или *что бы там ни было*, оно внимательно изучало нового обитателя дома.

– Кто здесь? – вырвалось у Антона. Голос его прозвучал далеко не так грозно и уверенно, как ему хотелось бы.

Ответа не последовало. Порывы ветра раскачивали сучья, шелестела листва. Темная фигура окончательно превратилась в сгусток ночной тьмы, в нечто, лишенное плоти и крови.

Антон поймал себя на мысли, что ему, собственно, даже нечем себя защитить. Единственный вариант – улучшить мгновение и переместиться к левой стене, включить верхний свет, который выхватит из темноты порядочный кусок сада и наконец-то позволит ему увидеть, что собой представляет ночной посетитель. Он быстро прикинул: если тот решит ворваться в дом через окно, у него останется достаточно времени, чтобы метнуться в «зал» и добраться до ножа, оставленного на столе.

Снова полыхнула молния, прокатился гром, в листве зашелестели первые капли. Хлынул дождь, моментально превратившийся в бурный ливень.

При следующей вспышке молнии Антон обнаружил, что сад пуст.

Словно июньский дождь начисто смыл причину его страхов.

Тряхнув головой, Антон включил верхний свет. Яркая лампа под потолком словно раздвинула ночь за окном, и он еще раз убедился, что в саду никого нет. Шумели в цветнике тугие струи ливня, ветви яблонь судорожно металась на ветру, словно пытаясь о чем-то сказать на своем языке новому хозяину сада, что-то объяснить, предупредить о чем-то...

Ощущение опасности исчезло. Антон успокоился, сделал несколько глубоких вдохов, шумно выдохнул и шагнул к окну. Оперся на мокрый подоконник и высунулся под дождь. Теперь по крайней мере он точно знал: в саду никого нет.

10

А скорее всего, и не было.

Так он решил, проснувшись утром. Еще ночью Антон тщательно проверил запоры на дверях и окнах, плотно задернул занавески. Затем убедился, что лампочка в торшере действительно разбита, водворил торшер на прежнее место, но снова лечь на кушетке не рискнул – перебрался на тетушкину кровать.

Понимал – глупо, взрослый мужчина не должен забивать голову такой чепухой. Но из бесед с психиатром Кравцовым запомнил: если ночью тебя что-то напугало, скверный сон или внезапный шум, далеко не всегда достаточно лечь на другой бок. Если есть возможность, остаток ночи лучше провести на другом месте. Иначе сон все равно будет тягостным и тревожным, а утром встанешь разбитым и вялым.

Устроившись в тети-Галиной спальне, Антон еще долго вертелся, пытаясь уснуть. На миг проваливался в дремоту и тут же вздрагивал: сгусток тьмы за окном снова и снова всплывал перед глазами. Только когда забрезжил рассвет, ему наконец удалось уснуть.

Проснулся Антон около десяти – давным-давно он не мог позволить себе столько валяться в постели, даже в выходные. Дождь кончился, но небо было затянуто низкой серой пеленой. Немного полежав и собравшись с мыслями, он поднялся и сразу прошел в «свою» комнатку – надеясь убедиться, что вчерашние ночные страхи всего лишь результат накопившейся усталости и жары. Между прочим, еще одна причина сменить обстановку и образ жизни.

Там он тщательно осмотрел кушетку и торшер, осторожно обогнул осколки лампочки и подошел к окну. Протер запотевшее стекло и взглянул на злополучную яблоню. Затем отыскал под кушеткой старые шлепанцы, открыл окно и махнул через подоконник в сад.

В траве ноги сразу намокли до колен. Щиколотку обожгла крапива. Дохнул ветер – и с яблоневого листа на спину просыпался холодный бодрящий душ. Антон повел плечами, подошел поближе к шершавому стволу, огляделся и присел на корточки. Если кто-то в самом деле стоял здесь – трава должна быть примята, остались бы следы. Ничего подобного – травостой не тронут, на стеблях искрятся бриллиантики капель.

Поднявшись, Антон еще раз огляделся, чтобы окончательно убедиться – попасть в сад среди ночи можно только через забор. Но в то, что кто-то из чистого любопытства забрался в непогоду на чужой участок, чтобы следить за приезжим, верилось слабо. В этом не было никакой логики, а он полагал, что ее законы одинаковы что в столице, что в провинциальном городке. Большинство местных жителей ложатся рано, а ночная жизнь Жашкова... Не о чем даже говорить.

Так и есть: ночное приключение – всего лишь следствие неожиданного пробуждения, да еще и в непривычном месте. Сосуды барахлят, духота, новые впечатления. В сущности, едва проснувшись, он уже был в этом твердо убежден. Тем не менее был не прочь удостовериться окончательно – и удостоверился.

Вернувшись в дом тем же путем, Антон оделся, посетил дощатый нужничок в углу двора, после чего пешком прогулялся на рынок, где затарился хлебом, колбасой, яйцами, свежей зеленью и растворимым кофе. Вернувшись, плотно позавтракал, краем глаза поглядывая в телевизор, где крутилась какая-то сериальная муть, и принялся за осмотр хозяйства тети Гали.

Теперь все виделось, как он и рассчитывал вчера, свежим взглядом, но к этому помимо его воли примешивались смутные неприятные ощущения, оставшиеся от ночного происшествия. И первое, что ему пришло в голову после самого поверхностного осмотра: в доме было как-то *слишком* прибрано. Вряд ли комнаты выглядели бы так после того, как хозяйку

дома спешно отправили в больницу. Нет, здесь убирали регулярно – об этом свидетельствовало даже отсутствие пыли на мебели. Допустим, это дело рук соседки Светланы Ивановны. Собственно, почему «допустим» – ведь ключи были только у нее, а следовательно, и беспрепятственный доступ в дом.

Антон еще раз обошел все помещения, приглядываясь к каждой мелочи. И почему-то занервничал, хотя так и не смог объяснить себе, в чем причина. Должно быть, мысль о реальности призрака, увиденного им ночью в саду, глубоко засела в подкорке. В чем тут дело, что заставляет его чувствовать, что здесь что-то не так? Почему это видение явилось в первую же ночь, проведенную новым хозяином в доме? И что оно вообще такое – игра воображения или результат целого комплекса ощущений, которые он бессознательно воспринимает, но не может проанализировать?

Надо понять, что здесь *не так*, и тогда все прояснится.

Первым, что привлекло его внимание, оказалась посуда. Любая хозяйка держит ее отдельно – как правило, в специально предназначенном месте. Даже он, холостяк, так хранил тарелки, ложки, ножи и вилки. Здесь посуда также стояла в шкафчике, но часть тарелок, несколько чашек, ложек и вилок стояли на столе особняком. Еще вчера Антон рассеянно скользнул по ним взглядом, не придав этому факту никакого значения. Но сегодня, когда он разглядывал эти предметы, в голове у него назойливо вертелось словцо «комплект».

Кто-то оставил на кухонном столе *комплект* посуды.

Само по себе это ничего не значило, но на теткиной кровати, куда он ночью перебрался досыпать, лежала аккуратно сложенная стопка постельного белья. Остальные простыни, наволочки и пододеяльники хранились в старом комоде, но на кровать кто-то аккуратно выложил *комплект* чистого белья. К тому же недавно выстиранного и тщательно отутюженного.

У тети Гали не было стиральной машины, ни новой, ни старой.

Итак: дом, где в течение двух месяцев никто не жил, сверкает чистотой, для кого-то приготовлены комплекты белья и посуды.

Еще кое-что: кровать, на которой он спал, заправлена как-то... м-м... формально. Собственную кровать так не застилают. Кто-кто, а он, бывший десантник, прекрасно знал, как выглядит солдатская койка, заправленная *по уставу*. Это тоже бросилось ему в глаза еще вчера. Допустим, Светлана Ивановна навела здесь порядок, готовя дом к приезду нового хозяина. Зачем – вопрос пятый. Хотя... почему пятый? Но, вообще-то, откуда взяться беспорядку в доме, где два месяца не было ни души?

Отсюда следует только одно: в доме слишком чисто и слишком старательно прибрано. Так поступают, желая уничтожить следы чьего-то пребывания. Так поступают, съезжая со съемной квартиры или готовясь к появлению новых жильцов, людей заведомо посторонних.

Пазл сложился.

Вот, значит, что его беспокоило. Знакомая ситуация – бывшая жена одно время сдавала их киевскую двухкомнатную, в которой он теперь жил. Любой человек, который в силу тех или иных обстоятельств решает предоставить собственное жилье посторонним, автоматически прячет от чужих глаз все ценное и интимное, выкладывая «на поверхность» то, что может понадобиться гостям в первую очередь.

Скажем, комплект чистого белья и расхожей посуды.

Эти два месяца в доме тети Гали кто-то жил.

Кто именно – знает только Светлана Ивановна, ключи оставались у нее.

А если это так, почему соседка ни словом не обмолвилась?

11

Выяснить с ходу не удалось.

Светланы Ивановны не оказалось дома. Суббота – значит, с раннего утра она отправилась на рынок, а разыскивать ее там Антон не собирался. Рано или поздно вернется домой. Да и что за срочность, зачем отрывать пожилую женщину от дел?

По крайней мере, насколько он помнил, все остальное в доме было в порядке, ничего не пропало, так что особо и беспокоиться не о чем. Поэтому до возвращения соседки он решил посетить те закоулки, куда до сих пор не удосужился заглянуть.

Начал с гаража.

Ворота его, как Антон уже успел заметить, вообще не запирались – внутри давным-давно не было ничего ценного. В углу – лопаты, грабли, сапки, садовая лестница, рулон старого рубероида, кусок грязного, скомканного, а не свернутого как следует, брезента – словом, тот хлам, который, по мнению хозяев таких домов, необходим в хозяйстве.

Сделав себе пометку – первым делом освободить гараж и использовать по назначению, а в перспективе возвести новый, – Антон прикрыл створку ворот и отправился на чердак.

Забраться туда можно было только с тыльной стороны дома. У стены лежала еще одна лестница, покороче садовой. Антон вытащил ее, приставил к стене и начал осторожно подниматься, пробуя ногой скрипучие разошедшиеся перекладки. На скобах чердачной двери болтался такой же замок, как и на люке погреба, но более старый. Очевидно, чердаком тетя Галя пользовалась от случая к случаю. Оно и понятно – с ее-то здоровьем балансировать на расшатанной лестнице!

Отперев замок и открыв дверь, Антон заполз внутрь, вдыхая запахи пыли, старой соломы и луковой шелухи. Когда-то чердак использовали в качестве сеновала, а на потолочных балках подвешивали золотистые связки лука – для просушки. Свет проникал сюда только через дверной проем, слухового окна не было.

Он выпрямился и осмотрелся: ветхих сундуков с семейными сокровищами нигде не видно. Затем прошелся по чердаку, подсвечивая фонариком мобильного и заглядывая во все углы и под скаты кровли. Ничего примечательного. Затем выбрался наружу и спустился вниз. Чердачную дверь оставил открытой, но лестницу убрал. Сделал еще одну пометку: со временем переоборудовать чердак в мансардное жилое помещение, а может, и вовсе избавиться от него, построив вторым этажом что-то вроде мезонина.

Теперь оставался только погреб.

В прихожей по-прежнему витала стойкая смесь запахов, но сейчас к ней примешивался еще один – необычный, гнилостно-сладковатый. Поразмыслив, Антон обнаружил выключатель – тот прятался за плитой. Щелкнул, но сквозь узкие щели в крашенных досках, из которых была сколочена крышка люка, не пробилось ни лучика. Выходит, и там лампочка перегорела?

Опустившись на корточки, Антон вставил в скважину замка последний из еще не использованных ключей, легко повернул и освободил дужку из петель. Затем не без усилия отвалил крышку.

В лицо ударил густой смрад.

Пахло моргом.

Иначе и не скажешь. Этот тяжкий, вызывающий тошноту запах ни с чем не спутать.

Запах смерти и разложения.

Вниз вела крутая лестница, сваренная из обрезков труб и арматуры. Полный самых скверных предчувствий, Антон наклонился пониже, опустил руку с мобильником в широкий темный проем и нажал кнопку фонарика. Тонкого белого луча оказалось недостаточно,

чтобы рассеять тьму погреба. Антон напряг зрение, сморгнул – и вдруг различил в самом дальнем углу просторного погреба очертания человеческого тела.

– Эй, кто там?! – непроизвольно вырвалось у него.

В ответ – зловещая тишина. И запах – чудовищный смрад полуразложившейся человеческой плоти.

Там, в погребе, – *смерть*. А темная ночная фигура за окном была ее вестником...

Словно во сне, доктор Сахновский отшатнулся, вскочил на ноги и поспешно отыскал в кухонном шкафчике самый большой разделочный нож. Затем обежал глазами полки, заметил огарок свечи в банке из-под майонеза. Спички нашлись на плите.

Он зажег свечу и вернулся к проему, ведущему в погреб, даже не потрудившись дать себе отчет в том, почему не звонит в милицию и не зовет соседей. Затем, сжимая в одной руке рукоять ножа, в другой – банку с огарком, осторожно, чтобы ненароком не сверзиться, спустился в погреб.

Колеблющееся пламя свечи мутно осветило подземелье. Под низким потолком болтался провод с патроном, но лампочки в нем не было – кто-то ее вывернул. А в дальнем углу действительно лежал человек. Лицом вниз.

Вытянув перед собой руку с ножом, Антон слегка коснулся тела кончиком лезвия.

Никаких признаков жизни, не говоря уже о трупном смраде.

В следующее мгновение Сахновский уронил нож на бетонный пол, наклонился и потянул труп за плечо, переворачивая на спину.

На него смотрело мужское лицо, обезображенное жуткой гримасой агонии. Лицо обрамляли неряшливая клочковатая борода и немытые патлы, давно не знавшие расчески.

Антон опустил свечу пониже: так и есть – руки и ноги покойного умело связаны.

Ноги опутывала нейлоновая веревка.

В запястья рук, заломленных за спину, глубоко врезалась тонкая проволока.

До последнего мгновения мужчина боролся, пытаясь освободиться. В результате проволока все глубже впивалась в тело, разрывая кожу, мышцы и сухожилия, и в конце концов запястья несчастного превратились в сплошную кровоточащую рану.

Рот мужчины был забит кляпом, а вся нижняя часть лица для надежности обмотана несколькими слоями широкого упаковочного скотча. Задохнуться пленник не мог – ноздри остались свободными, но он был полностью ограничен в движениях; единственное, что ему оставалось, – перекатываться по сырому бетону. О том, чтобы позвать на помощь, крикнуть, ему и думать не приходилось.

Удивляясь собственному хладнокровию, Антон тщательно осмотрел труп. Синяки от ударов на лице, но на теле – ничего. Ни колотых, ни резаных, ни огнестрельных ран, его даже не пытались задушить. Просто скрутили, заткнули рот и бросили подышать в погребе дома покойной тетки.

Правда, предварительно освободив погреб от всего съестного и предметов, с помощью которых жертва могла бы попытаться освободиться.

Труп пролежал здесь порядочно, и разложение зашло довольно далеко, несмотря на то что в погребе было прохладно. Не холодильник, конечно, но и не открытое солнце.

Получается, прошлую ночь он, Антон Сахновский, провел под одной крышей с мертвецом.

Часть вторая Младший брат

1

Владения покойной Галины Смеречко превратились в место преступления.

Следственная бригада не спешила извлечь труп на свет божий. Сначала эксперты обстоятельно зафиксировали его положение и произвели наружный осмотр тела. Только после этого менты, глухо матерясь, выволокли покойника из погреба. Санитары «скорой» категорически отказались этим заниматься: их дело – загрузить «клиента» в машину и доставить в городской морг, а дальше пусть им занимаются те, кому за это платят: судмедэкспертиза.

Криминалист, слушая это, не выдержал:

– Совести у вас ни на грош, мужики! «Платят»! Санитарам в морге уже третий месяц зарплату задерживают! Патологоанатом вообще подал на увольнение!

Ему резонно возразили:

– Подал и подал. И куда он пойдет? Частный морг, что ли, откроет? Или в Умань переведется? И вообще: с какой стати они там без зарплаты пашут? Из любви к искусству?

Начальник горотдела подполковник Костюк, хоть и наслушался таких речей до тошноты, не выдержал, рявкнул:

– А ну замолчали по-быстрому! Вас люди слушают, мудачье!..

Затем круто обернулся к сержанту, торчавшему у калитки:

– Какого хрена у тебя там народ скопился? Кино смотрят? Как фамилия?

Вопрос был риторический – Костюк руководил горотделом пятый год и знал весь свой состав не только в лицо.

– Сержант Немудрый! – вытянувшись, доложил перепуганный мент.

– Оно и видно! – не унимался подполковник. – Стоишь, пасть разинул! Тебя для чего там поставили, Немудрый?

Сержант кивнул и повернулся к небольшой толпе любопытных, собравшейся у калитки. В основном – жители близлежащих домов, пожилые женщины и их внуки. Толпа все время находилась в движении, каждый стремился занять позицию, с которой можно было бы заглянуть через ограду.

– А ну, граждане и гражданки, расходимся по-быстрому! Не мешайте работать следственной группе! Бегом, кому сказано! А ты, Василий, чего стоишь? Гони их отсюда к той самой маме!

Однако молоденький милиционер в сержантских погонах, вместо того чтобы шугать любопытных, окрысился:

– Чего раскомандовался? Тебя что, старшим назначили? Сам знаю, что делать!

Тем не менее порядка не прибавилось, и подполковник, окончательно потеряв контроль над собой, запустил в утренний воздух таким многоэтажным, что местное бабье притихло и отхлынуло от забора. Даже начальник УГРО капитан Петриковский, который как раз допрашивал на веранде Антона Сахновского, вздрогнул и поморщился.

Это субботнее июньское утро началось со звонка киевлянина Антона Сахновского в милицию, а все происходящее здесь было его логическим продолжением.

Закруглив непристойную тираду, неизвестно кому адресованную, начальник горотдела умолк и перевел дыхание. Этим немедленно воспользовалась одна из самых шустрых сосе-док:

– А что это вы так ругаетесь, товарищ? Стражи порядка, называется! Тут же дети, не видите, что ли?

– Так уберите детей! Здесь вам что – детский сад? – с новой энергией рявкнул Костюк. Сержант Немудрый и его напарник Василий, уже без всякого приказа, начали деловито оттеснять посторонних. К ним присоединились и остальные менты, тынявшие без дела по всему участку.

Труп тем временем уложили на носилки, не вынимая кляпа изо рта и не освобождая от пут. Просто накрыли простыней, после чего задвинули носилки в утробу «скорой».

Микроавтобус пришлось переставить, чтобы пропустить во двор милицейский «газон», на котором доставили соседку Светлану Ивановну: Антон первым делом сообщил следователю, что ключи от дома имелись только у нее. Хотя до рынка было рукой подать, Костюк предпочел отправить за женщиной своего водителя и одного из оперов.

Так и вышло, что Светлану Ивановну «приняли» на глазах у всего жашковского рынка. Та подняла было крик – мол, по какому праву пожилого человека без ордера и судебного решения хватают среди бела дня, но опер, не вдаваясь в объяснения, посулил надеть на нее наручники, и Светлана Ивановна сдалась.

До самого дома она вела себя смирно, однако, приметив «скорую» в соседском дворе, заголосила с новой силой. Когда же Костюк приказал вывести задержанную из машины и предъявить ей труп для опознания, внезапно умолкла, слабо вскрикнула и покачнулась. Однако на ногах устояла: крепкое сердце, да и нервы оказались слава богу.

Впрочем, процедура опознания ничего не дала. Соседка категорически заявила, что понятия не имеет, кто этот человек.

2

– Ну, и как же так вышло, Светлана Ивановна?

Капитан Петриковский вел допрос при закрытых дверях. Окончательно оправившись от шока, соседка держалась на удивление спокойно и уверенно – как человек, который вообще не знает за собой никакой вины.

Антон стал было настаивать, чтобы ему разрешили присутствовать во время допроса, но начальник горотдела решительно отказал, сославшись на тайну следствия. Мол, в свое время ему обо всем сообщат. А чтобы киевский доктор окончательно усвоил, кто здесь командует парадом, Костюк в двух словах растолковал ему, что формально он тут никто, поскольку пока еще не является законным собственником домовладения. Так сказать, гость, переночевавший в строении, в погребке которого при невыясненных пока обстоятельствах обнаружен труп неизвестного лица мужского пола. Соответственно, преступление совершено *не в его доме*. «Есть вопросы, гражданин Сахновский? Нет? И прекрасно. Тогда запомните твердо: всего несколько дней назад вы понятия не имели о том, что унаследовали дом Галины Смеречко. Ко всему, что здесь происходило, не имеете никакого отношения. Вы приехали *случайно*, труп обнаружили в погребке *случайно*, да и человек вы здесь *случайный*, чтобы не сказать посторонний. А посторонним в таких обстоятельствах не годится качать права, а следует сидеть тихо и ждать, пока милиция не сочтет необходимым вас проинформировать».

Доктор не выглядел напуганным, но некоторая растерянность была налицо. В таких ситуациях – и Костюк знал об этом лучше кого бы то ни было – первым делом следует загнать человека на территорию, где он будет чувствовать себя неуверенно из-за недостатка информации и опыта. Подполковник вообще не любил чужаков, а киевлян вдвойне: от них одни лишние хлопоты.

Пока начальник горотдела ставил Антона на место, втолковывая, что рыпаться тому не следует, капитан Петриковский фиксировал чистосердечные показания Светланы Ивановны.

– А что я сделала? Ну было, сдавала пару раз Галкину хату... Я ж на рынке постоянно, многие нуждаются. Да вы ж меня хорошо знаете, ваша супружница у меня постоянно тортики берет... Разве плохие?

– Не знаю, у меня от сладкого изжога. Прошу вас, ближе к делу. Когда именно вы начали селить квартирантов в дом вашей соседки Галины Смеречко?

– Ну как это когда? Как ее в больницу забрали... Ей же деньги были нужны... Она...

– Смеречко разрешила вам селить посторонних за плату? Только без уверток, Светлана Ивановна. Подумайте как следует. По вашей подруге, если не ошибаюсь, сорок дней недавно справили. Так что не гневите Бога, грех все-таки...

– Какой вы набожный стали, Александр Игнатьевич! Что-то я вас в церкви давно не видела...

– Вы лучше не злите меня. Так позволила Галина сдавать хату или нет?

Светлана Ивановна все еще колебалась, хотя ответ ясно читался на ее лице.

– Ну... – выдавила она наконец. – В общем, я это сама... И не всю хату, а только две комнатки...

– В остальные, значит, двери были заперты? Ох, Светлана Ивановна, я ведь лично дом осматривал... Так кому сдавали и за какую сумму?

– Так я разве знаю? Имена знала, а фамилии – у меня ж не гостиница, товарищ капитан! Звание-то правильно сказала, не повысили вас еще?

– Правильно.

– Ну вот, посадите одинокую пенсионерку – точно майора дадут!

– На жалость бьете? Ладно. Если еще не сообразили, что к чему, поясню: на протяжении двух месяцев вы незаконно сдавали в аренду чужое жилье. Дом своей соседки, которая тяжело болела, а потом умерла. И, если б ее племянник не отыскался, вы бы продолжали заниматься этим бизнесом...

– Ой, я вас умоляю, Александр Игнатьевич! Какой бизнес? Чистые слезы – сотня гривен в сутки...

– Значит, сдавали посуточно?

– А как иначе? Правду вы говорите: а вдруг бы племянник нагрязнул? О нем ведь давно ничего не было слышно, но нотариус все стоял над душой – мол, где он да что. Думаете, ему это завещание было нужно? Тоже денег хотел – он ведь со сделок по продаже живет...

– Опять уклоняетесь, Светлана Ивановна! Очевидно же, что онкологическая больная Галина Смеречко не могла связать взрослого мужчину, заткнуть ему рот и держать его взаперти в собственном погребе!

– Бог с вами, что вы такое говорите, товарищ капитан!

– Вот и я полагаю. Что же получается?

– Что?

– А то, что жертва преступления, – Петриковский поудобнее устроился на стуле, – оказалась в погребке именно в то время, когда вы сдавали это жилье. За сто гривен в сутки. Конечно, не вчера и не позавчера. Кстати, когда съехал последний жилец?

– Во вторник. Надо же было прибраться, и как раз Антон откликнулся...

– Хорошо. Экспертиза установит причину смерти и приблизительное время ее наступления. Тогда и выяснится, сколько этот мужчина пролежал в погребке. А вам, Светлана Ивановна, придется совершенно точно вспомнить, кому вы сдавали дом в этот период, кто эти люди, их имена и как они выглядели. Это ваши постоянные клиенты?

Светлана Ивановна сокрушенно вздохнула и вдруг вызывающе уставилась на капитана.

– Вы думаете, у меня пенсия министерская? А выручка с рынка – это же просто смех!.. Я и в самом деле давно на рынке кручусь, всех собак знаю. Туда много народу наезжает. Кому-то неделю подряд распродаваться, товар где-то держать, ночевать. Кого-то по делу в Жашков занесло, надо пару дней в нормальных условиях перекантоваться. Я, между прочим, Галине покойной давно говорила: чего бедствуешь? Пускай квартирантов, живая же копейка...

– Отказалась?

– Наотрез. Только когда окончательно слегла, ну, тогда... Я случайно на рынке человека одного заприметила: спрашивал, где здесь остановиться на несколько дней. Знаете, как оно бывает – само вырвалось... Ключи ж у меня... Он не очень и торговался... Я ему и еду носила – завтрак и ужин... Не бог весть какие разносолы, но все-таки не беляши с собачиной...

– О беляшах в другой раз, Светлана Ивановна. Продолжайте.

– Ну вот: отжил свое и съехал. Спросил напоследок, можно ли при случае знакомых ко мне адресовать. А чего, говорю, давайте. А сама на следующий день объявления написала – мол, сдаются комнаты – и расклеила в бойких местах. На рынке, на автовокзале, в двух кафе в центре. Пошел народ...

– И денежка тоже, так?

– Опять вы про деньги! Нашли миллионершу!

– Сто гривен в сутки за дом – нормально. Вполне по-божески. За два месяца – тысяч шесть. Я даже не удивляюсь, что вы покойную подругу из больничного морга хоронили,

чтобы домой не везти. Я в курсе – Сахновский просветил. Он и сам о многом догадался и уже ничему не удивляется.

– Просветитель! А где он был, когда его единственная тетка концы отдавала? Кто к ней что ни день в больницу бегал, обмывал-обряжал, попу и похоронной конторе платил...

– Из своих, что ли, Светлана Ивановна? Не из тех, что от жильцов приплыли? И не из тех, что у подружки были на такой случай заначены – ведь знала, что умирает? Сами похвалялись – вот, мол, себя не жалела, все для Галины!

Петриковский в сердцах шарахнул кулаком по столу.

Светлана Ивановна только голову в плечи втянула. На ее лице не было ни следа раскаяния – с ее точки зрения, ситуация выглядела совершенно нормально. Только спросила вполголоса:

– Меня посадят?

Капитан хотел было солгать, но воздержался. Все слишком очевидно.

– За это – нет. Вы точно не знаете покойника?

– Вот вам святой истинный крест! – соседка торопливо обмахнулась троеперстием – раз, другой и третий. – Если б знала, точно сдала бы того, кто мне такую свинью подложил. Уж будьте уверены, Александр Игнатьевич, не смолчала бы! Я к нему по-человечески, а оно чисто зверюга...

– Кто это – «оно»? – Не дождавшись ответа, Петриковский придвинул к себе папку из кожанменителя. – Ладно. Сейчас, Светлана Ивановна, я дам вам чистый листок. Напишите все, что мне тут наговорили. Потом, на отдельном листе, – когда, кого и при каких обстоятельствах селили в соседский дом.

– Так говорю же: фамилий не спрашивала!

– Пишите, что знаете. Как выглядел первый мужчина, которому вы сдали дом? Как его звали? Откуда он родом?

– Петром назвался. Из Одессы как будто... Чего, спрашивается, его аж из самой Одессы сюда занесло? Вроде, были у него какие-то дела на конном заводе. На вид – лет сорока, уши торчат, коротко стриженный...

– Так и пишите. Номер первый: Петр, из Одессы, прибыл в Жашков на конный завод, около сорока, оттопыренные уши. Жил с такого-то по такое-то. И дальше в том же духе.

Светлана Ивановна покосилась на чистый лист, потом – на капитана.

– А если не вспомню кого?

– Обязаны вспомнить. – Петриковский поднялся, угрожающе нависнув над женщиной. – Обязаны!

3

Жашков всколыхнуло не само событие.

В конце концов, зверскими убийствами давно уже никого не удивишь, даже здесь, в провинции. В городке, раскинувшемся по обе стороны одной из самых напряженных украинских автотрасс, случалось, случается и будет случаться всякое. Уже после обеда в городе обсуждали не сам факт, а странные обстоятельства, сопутствовавшие убийству.

Связанный труп неизвестного мужчины в погребке дома женщины, два месяца назад умершей от рака! Причем тело, как утверждало местное «сарафанное радио», оказалось там именно в тот момент, когда приехал вводиться в наследство единственный родственник умершей – племянник из Киева.

Немедленно нашлись те, кто когда-то учился с Антоном Сахновским в одном классе, шлялся с ним по дворам, бегал на речку Торч удить пескарей. Правда, таких осталось немного – все-таки четверть века прошла, – да и те не могли причислить себя к закадычным друзьям Сахновского. В общем, в Жашкове Антона *припоминали*, но толком *не помнили*. Зато обстоятельства, сопровождавшие его возвращение в город, многим показались загадочными и *особенными*.

Что касается начальника горотдела подполковника Костюка, то его не особенно занимала личность наследника Галины Смеречко. Он получил его письменные показания, которые ни в чем не прояснили обстоятельств дела, после чего объявил: пока длится следствие, Сахновский не имеет права проживать в доме своей тетки, поскольку тот является местом преступления. Прокуратура распорядилась опечатать дом. Когда будет получено разрешение использовать его по прямому назначению, ему сообщат дополнительно. Впрочем – это Костюк произнес с заметным облегчением, – в Жашкове гражданина Сахновского никто не намерен задерживать. Разумеется, он имеет право интересоваться ходом следствия – вот номера телефонов, по которым можно звонить, – однако в его присутствии в городе нет необходимости, поскольку у следствия к нему – ни претензий, ни вопросов.

Ближе к концу дня капитан Петриковский выяснил, что Сахновский не отбыл восвояси, а поселился в местной гостинице, сняв единственный «полулюкс», и намерен оставаться в городе минимум до понедельника. «Что он тут высиживает?» – спросил себя капитан, но, не сумев ответить на вопрос, махнул рукой и подумал: «Черт с ним, с этим доктором. Пусть сидит, и без него хлопот по горло».

Самую серьезную головную боль жашковской милиции доставил тот, кто связал неизвестного и оставил его в запечатанном погребке. Теперь, как ни странно, именно этими двумя деяниями ограничивался состав преступления.

Причина заключалась в том, что к вечеру субботы экспертно-криминалистический отдел установил, что мужчина не был убит. Он умер естественной смертью от обострения хронической болезни сердца. То, что называется «коронарная недостаточность», и случиться это должно было рано или поздно, в зависимости от обстоятельств. Правда, если бы он наблюдался у толкового врача и регулярно принимал соответствующие препараты, то мог бы прожить еще несколько лет.

Но и это сомнительно: вскрытие обнаружило целый букет заболеваний внутренних органов, что свидетельствовало – этот человек вел крайне нездоровый образ жизни.

Между прочим, несмотря на седину и бороду, эксперты заявили, что покойному было не больше тридцати пяти лет...

Прочитав экспертное заключение, капитан Петриковский закурил и принялся анализировать все, что удалось накопать за сегодняшний день.

Во-первых: неизвестный хоть и не вполне смахивал на бомжа, однако вряд ли был зарегистрирован по определенному месту жительства. Документов при нем не нашлось, но как раз это ни о чем не говорило. Их мог украсть тот, кто связал его и затащил в погреб. Но будь при нем какие угодно документы, хоть биометрический паспорт с шенгенской визой, по крайней мере в последние полгода неизвестный жил в крайне антисанитарных условиях, питался чем придется, пил что попало и время от времени баловался наркотой. В его крови обнаружились следы двух-трех препаратов, популярных среди ценителей амфетаминов. Что привело этого бродягу в Жашков и почему его бросили умирать в погребе именно здесь – так и не ясно.

Во-вторых: неизвестный был одет в джинсы, хлопчатобумажную футболку, кроссовки без носков и легкий свитер. Все не новое, куплено в секонд-хэнде или украдено. Но как раз свитер подталкивал к мысли, что жертва оказалась в погребе не раньше, чем неделю назад. В начале июня погода стояла далеко не летняя, было довольно прохладно и даже бродяги одевались потеплее. Таким образом, можно предположительно установить время нападения на неизвестного – именно так Петриковский теперь определял суть происшествия. В пользу этого свидетельствовали гематомы на лбу и под глазом, а также глубоко рассеченная нижняя губа. Справившись с ним, преступники связали жертву тем, что подвернулось под руку, и спустили в погреб.

В-третьих: мужчину не собирались держать в погребе с какой-то конкретной целью – просто предоставили *возможность умереть*. Те, кто это сделал, наверняка знали о своей жертве все. И были совершенно уверены в том, что ее смерть – от сердечного приступа, от голода или удушья – всего лишь вопрос времени. Поэтому из погреба было вынесено все, что могло сойти за еду. А это, помимо всего остального, указывает: те, кто запер висячий замок на крышке люка, не были уверены в том, что их пленник не сумеет освободиться даже от проволочных пут на руках. Следовательно, они знали его как человека физически необыкновенно сильного или обладающего какими-то необычными способностями. Или думали, что он ими обладает. Поэтому страховались и перестраховывались. В желудке жертвы при вскрытии практически ничего не было, а это верный признак, что он не принимал никакой пищи в течение как минимум недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.